

Илан Рисс

ХАОС

Евгений не сразу вспомнил, где и когда они встречались. Даже подумал, что в прошлой жизни. Потом понял, что так оно и было. В той жизни им было по тринадцать лет, они были в старшем отряде пионерлагеря. Он был капитаном команды КВН, а она танцевала мексиканский танец. Они все время увивались друг за другом, он ее куда-то звал, а она отказывалась. Может быть, потому что тогда он уже научился звать, но еще не знал, куда и зачем. Иринка постоянно доказывала ему, что девочки не хуже мальчиков, чему Женя очень удивлялся, искренне считая девочек лучше мальчишек. Девочки, как это поразительно точно выразил его любимый книжный герой, были нежными и удивительными. Но она требовала от него разгадывать кроссворды и решать задачки, и у него всегда получалось лучше. Тогда он ехидным голосом говорил ей, что курица – не птица, а женщина – не человек. Она злилась и придумывала еще что-нибудь и заполняла этим все свободное от речевок и линейек время. В последний вечер, когда пионерский костер стал уже золой для картошки пионервожатых, она ушла с ним к озеру, и пока все прочие пионеры добросовестно мазались зубной пастой, они стояли под деревом. На пионерском расстоянии. И говорили о том, о чем писали в книжной серии «Хочу все знать». Расставаться совсем не хотелось.

Они встретились снова только в университете, где учились на разных факультетах. Сталкиваясь изредка в коридорах, улыбались друг другу, будто у них была какая-то тайна. Но золото воспоминаний детства еще не было отмыто в струях времени, и драгоценные крупницы незабываемого были перемешаны с мелким песком прошедшего. На то, что Ирина уехала в другой город, Евгений обратил внимание только через несколько месяцев после ее отъезда и сразу же забыл об этом.

– Ты, по-моему, историю учила? – спросил Евгений.

– А ты физику. Я хорошо помню, – ответила Ирина.

– Как получается! Где нас судьба свела? Из разных стран, из разных наук на одном конгрессе встречаемся. Каково?

– Так ведь конгресс про хаос, как может быть по-другому?

– Самое подходящее место говорить про предопределение. Ты права.

– Ну так пойдем, поговорим, – позвала Ирина.

Они отошли в сторону, сели на скамейку.

– Хаос – это целая наука о том, что если мотылек взмахивает крыльями в Китае, то от этого может быть ураган во Флориде? – спросила Ирина и пояснила: – Я на конгрессе случайно. Возможность представилась поехать, и я поехала.

– Целая наука о том, что от любого нашего шага может содрогнуться Вселенная или разразиться всемирная революция. Короче, о неустойчивости сложных динамических систем.

- Можешь объяснить популярно? – строго посмотрела на него Ирина. Он подумал, что она совсем не изменилась.
- Тебе это правда интересно?
- Очень.

Ему пришлось признаться, что его знания о хаосе были на самом общем уровне. Тоже случай представился поехать. Две случайности снова свели их вместе. Они были в том возрасте, когда уже есть прошлое, но еще есть и будущее. И было интересно смотреть в обе стороны. Ирина сказала, что всегда удивлялась тому, как нашу судьбу определяют самые незаметные мелочи, а оказывается, про это есть целая наука с такими грандиозными конгрессами. И они заговорили про судьбу. Выяснилось, что в их судьбах сложилось все, и в работе, и в личной жизни. Семьи, дети, международные конгрессы. Не великие ученые, конечно, но и жаловаться не на что. Оказалось, что оба выбрали страну и город, а не тему конгресса, и оба были очень удивлены тем, что они так похожи.

– Если бы ты была со мной, я стал бы президентом, – с упреком во взгляде сказал Евгений и, конечно же, он в тот момент искренне в это верил.

Когда говорят такое, в это всегда искренне верят. Такие фразы с легкостью связывают прошлое с настоящим. Евгений когда-то думал, что станет президентом, и в этот момент ему показалось, что обнаружил причину того, почему этого не произошло.

- Президентом чего? – заинтересовалась Ирина.
- Как чего? Академии наук.
- Поплакаться хочется? Жизнь не удалась?
- Удалась, – ответил он, подумав, – только не так, как хотелось.

До обеда были лекции, а потом всех повезли к целебному озеру с целебной грязью. Ради этого озера они приехали на конгресс. Грязь была черной, но, высыхая, становилась серо-голубой. Ее смывали столь же целебной водой. И у грязи, и у воды был классический запах нечистой силы – сероводорода, недр земных. Евгений наблюдал, как она пытается вся покрыться черной густой грязью и не справляется, не доставая до невыносимо аппетитных кусочков спины или не видя других, не менее притягательных участков тела – белых островков соблазна среди черной жирной грязи.

– Помочь? – и в ответ на ее строгий взгляд добавил, оправдываясь, по-детски робея перед ней, фразу из их детского лексикона: – Я только из человеколюбия.

- А не из женолюбия? – ответила она словами из детства.
- Разве это не одно и то же?
- Нет, конечно.

– Видишь, – Евгений торжественно-шутливо поднял палец, – наконец-то ты сумела неопровержимо доказать, что женщина не человек. Сможешь написать про это статью.

– Еще чего, – мотнула она головой и, как бы подводя черту давнему спору, тоном, не допускающим возражений, произнесла: – Человек. – Потом велела: – Помогай.

Видно было, что тема равноправия полов ее уже давно не занимала, и она ценила себя такой, какой была, и, несомненно, до-

вольно высоко. Евгений, набирая полные ладони пахучей грязи, медленно растирал ее тело, обстоятельно и нежно, настолько, насколько можно было на виду у ученых коллег. Серный аромат нечистой силы сопровождал их до следующего дня, придавая происходящему чувство всеоправдывающей неотвратимости.

После ужина был концерт. Когда объявили мексиканский танец, Ирина развела руками, являя этим жестом покорность судьбе, а глазами показывая на выход. Около гостиницы было светло как днем, и они пошли к деревьям с неизвестными им названиями, между которыми начинались ночь и звезды. Войдя в ночь, Ирина остановилась спиной к дереву, улыбаясь устрашающей улыбкой соглашающейся женщины. Устрашающей, потому что нужно сделать один только маленький шаг, протянуть руки, привлечь ее к себе... Но этот маленький шаг, повторяемый человечеством изо дня в день миллионы раз, страшен, ибо после него жизнь уже никогда не бывает такой, какой была прежде... Хотя, следует отметить, особой разницы может и не быть. Она прошептала ему на ухо: «Помнишь?» И от ее шепота стало невыносимо обидно, что все эти годы они носили в памяти тот вечер, то дерево и тот несделанный шаг...

Они молча вошли в гостиницу и так же молча поднялись в номер. За тридцать лет после вечера в пионерлагере они уже выучили, куда ведут жизненные дороги и куда приводят, и шли, надеясь не узнать уже ничего нового. В номере они очень серьезно рассмотрели друг другу в глаза, а потом попытались единственно возможным способом ответить на все неспрошенные вопросы. Они узнали, что потеряли в жизни, но, чтобы иметь это в будущем, нужно было заплатить всем остальным, что было в их прошлом. Поэтому они одновременно сказали друг другу, что неплохо было бы выпить чего-нибудь просветляющего... По стакану тропического сока...

В лифте она сказала:

– В нашей жизни исправить уже ничего нельзя, а можно только сломать.

– Забыть нельзя... – отозвался он.

Ирина согласно кивнула головой, заполненная тем же облегчающим чувством покорности судьбе. И потому что ничего нового сказать об этом уже нельзя, они молчали, не глядя друг на друга.

Они до утра просидели у столика в углу зала, перебирая хаос маленьких событий, маленьких происшествий и маленьких шагов, из которых сложились их жизни, и у которых было или не было больших или малых последствий. От конгресса у них остался один, вполне связанный с его темой вывод – покой, то есть устойчивость любой системы, будь то общество или личная жизнь отдельного человека, зиждется на страхе. Страхе перед принятием решения. Они пили сок и говорили о прошлом, более всего опасаясь неожиданных последствий маленького шага, сделанного ими накануне вечером. Но об этом они не сказали ни слова. Утром каждый отправился к своему самолету, чтобы хранить свое, слепленное из чего пришлось, маленькое счастье. Потому что, по крайней мере, по статистике, им предстояло прожить еще довольно много лет. И хотелось прожить их счастливо.